

III.

Попробуемъ же приподнять край завѣсы надъ безмолвной трагедіей. Чтобы быть убѣдительнымъ, нужно быть документальнымъ. Казалось бы, что можетъ быть легче! Толстымъ написано около 10,000 стр. „Документовъ“—цѣлое море.

Но трудность обозначается съ суровой рѣзкостью. Толстой-Нехлюдовъ считаетъ 12 первыхъ томовъ своихъ писаній *художественной болтовней* и придаетъ настоящую цѣну только 8 послѣднимъ. Авторъ же „Войны и мира“, Толстой-Ерошка, съ совершенно такой же категоричностью считаетъ писанія князя Нехлюдова *моралистической болтовней* и въ 8 послѣднихъ томахъ считаетъ истинно-цѣннымъ только Ерошкинъ чисто-художественный элементъ. Что послѣдній тезисъ есть также утвержденіе *самого* Толстого,—увидимъ ниже.

Очевидно, чтобы рѣшить споръ Толстовскаго *сознанія* съ Толстовскимъ *геніемъ*, нужно предварительно установить *сравнительную цѣнность* показаній Нехлюдова и показаній Ерошки. И эту сравнительную цѣнность нужно установить не только съ нашей точки зрѣнія, но съ точки зрѣнія *самого* Толстого. Такъ какъ князь несмотря на свое правдолюбіе часто бываетъ тенденціозенъ и искажаетъ совершенно извѣстные намъ факты, а дядя Ерошка этого не дѣлаетъ никогда и, главное, не можетъ сдѣлать *по своей, Ерошкиной, природѣ*, то, очевидно, неоднократныя заявленія князя о своемъ тождествѣ съ Толстымъ мы должны взять подъ сомнѣніе. Мы имъ не можемъ вѣрить, потому что самъ Толстой имъ не вѣрить. А художественная болтовня дяди Ерошки, безыскусственная и простая, какъ сама Природа, несмотря на всѣ увѣренія Нехлюдова, должна принять характеръ исключительной документальности и рѣдкой правдивости. Если мы очистимъ Толстого отъ болѣзненныхъ наростовъ Нехлюдовскаго сознанія и примемъ его въ его первоначальной, стихійной природѣ *геніальнаго* дяди Ерошки, мы увидимъ, что вся *раціоналистическая* „болтовня“ князя Нехлюдова совершенно отвергается Толстымъ-художникомъ и что поэтому Нехлюдовское отрицаніе Церкви совѣмъ не первично, не исключительно для Толстого-Ерошки, который въ стихійномъ, художе-